

Политика в Чечне как модель политики в России

Эмиль Паин

24.05.2004

Убийство президента Чечни Ахмеда Кадырова подстегнуло интерес к республике со стороны федеральной власти. Последовали заявления и поездка в Чечню президента Путина, туда же был направлен министр экономического развития и торговли Герман Греф. О том, что стоит за этими событиями, – комментарий генерального директора Центра этнополитических исследований Эмиля Паина.

Небывалое внимание к Чечне трудно объяснить просто фактом убийства президента республики. Да, нечасто в России лидер субъекта Федерации погибает таким образом. Тем не менее, в данном случае речь идет о чем-то более существенным.

Ни одна проблема в жизни России так не связана с политикой Путина как Чечня. Он пришел к власти после начала войны в Чечне, модель его внутренней политики, получившей название «имитационная демократия» формировалась на опыте «решения» чеченской проблемы, первые назначенцы на должность президентских полпредов в федеральных округах были отобраны из числа «героев» чеченской войны. Поэтому убийство Кадырова в Кремле воспринимается как угроза подрыва главной линии в политике президента. Путин не может допустить появления в обществе даже мысли о провале или даже слабой результативности политики в Чечне.

Эта мысль таит в себе повышенную опасность для федеральной власти, поскольку чеченская политика – это еще и доведенный до своего логического конца образ общероссийской политики и проявляющиеся в Чечне симптомы неэффективности как под увеличительным стеклом показывают российские проблемы.

Если во всей России еще можно говорить об управляемой демократии, то в Чечне лишь о совсем декоративной. В России население отчуждено от власти – в Чечне оно лишено даже простейших форм самоуправления. В России участились случаи бюрократического произвола, хотя они по-прежнему носят точечный характер, – в Чечне же этот произвол практически тотальный. В России выборы все больше напоминают

пародию, а в Чечне доведены до гротеска. Российским властям не стоит радоваться высоким показателям поддержки, полученным в Чечне, Ингушетии, в Дагестане. Скорее эти показатели, приближающиеся к советским 99,9 % должны настораживать, поскольку указывают на полную отчужденность людей от власти и от политики: «Вы хотите, чтобы мы голосовали, как прикажете. Бюллетени не кровь – их не жалко». Так уже было в истории. Алжирцы за три года до того, как с боями вышли из Франции почти единогласно проголосовали за новую конституцию Французской республики.

Не могу сказать наверняка, как формируется модель «имитационной демократии». То ли она создается в России, а затем утрируется в Чечне, то ли отрабатывается в Чечне – и в смягченном или укутанном виде распространяется по России. Так или иначе, чеченская и общероссийская политические модели взаимосвязаны. При этом чеченская версия политики раньше обнаруживает сбои, чем общероссийская. Именно чеченский народ, ставший декорацией, объектом, раз в четыре года забрасывающим бюллетени в урну, не хочет и не может так жить, а остальное население России вполне еще терпит. Эти различия объяснимы.

В Чечне, в отличие от России, отчужденность населения от власти усиливается тем, что оно воспринимается как национальное унижение. Это унижение проявляется практически повсеместно и повседневно. Сама жизнь значительной части чеченского населения никем не гарантирована и ничем не защищена. Боюсь, что их положение после смерти Кадырова еще ухудшится.

Ахмед Кадыров, к которому я не испытывал особой симпатии, был лучшим актером в пьесе, сочиненной и режиссируемой Кремлем. Он единственный из назначенных Москвой наместников позволял себе открыто и публично критиковать генералов и высшее руководство, за исключением президента, говорить, что с чеченцами не считаются, что чеченцы в средствах массовой информации представляются в образе террористов.

Все это хотя бы отчасти примиряло чеченское общество со ставленником Москвы и создавало ему образ народного защитника. Только при Кадырове приближенные к нему люди, такие как нынешний депутат от Чечни Ямадаев, могли публично сказать генералу Шаманову о том, что он – преступник. Ничего подобного не было до Кадырова, не будет и после.

Этому политику прощалось многое в силу специфики его биографии и масштаба личности. Но он работал в заданной схеме и не мог сделать из плохой пьесы гениальное произведение. Поэтому Кадыров был обречен. Огромное количество сил было заинтересовано в том, чтобы он сошел с политической сцены, и поскольку другого варианта ухода, кроме случившегося сценарием не предусмотрено, то он и сыграл свою роль до

конца. Скорее всего, похожая судьба может ожидать и нового исполнителя роли демократически избранного президента, демократической республики.

Федеральная власть не хочет признать, что используемая политическая модель подвергает смертельному риску не только отдельно взятого смелого чиновника, но и народ Чечни, да и всей России. Она будет пробовать все новых и новых игроков на старую роль. Сейчас даже нет смысла интересоваться, кто именно станет преемником Кадырова, потому что, в конечном счете, форма управления в Чечне останется прежней.

Но у каждого следующего президента будет все меньше свободы, чем у Кадырова и они даже отчасти не смогут восприниматься как защитники населения. В такой ситуации и вложения средств в восстановление республики будут малоэффективны. Я верю, что Грозный может быть восстановлен и, по крайней мере, с высоты птичьего полета будет выглядеть гораздо более привлекательно, чем сейчас. Но я уверен, что радикально ситуацию в республике это не изменит.

Что делать в этой ситуации? Главным я считаю создание иного политического климата, который позволил бы чеченскому населению хоть в какой-то мере самому определять свою судьбу, влиять на политиков, гарантировать выполнение соглашений и договоренностей, которые Москва рано или поздно будет вынуждена заключить с «людьми чеченского леса». Но для этого из расколотого в настоящий момент населения должно быть соткано что-то похожее на саморегулирующее общество, способное адаптироваться к новым условиям, выбирать для себя адекватных лидеров – именно выбирать, а не получать в готовом виде под прикрытием выборов или референдумов.

Пока же политика федеральных сил в Чечне, как и в России, направлена на то, чтобы как можно дальше отстранить людей от принятия решений, при этом сохраняя видимость их участия в демократических процедурах. Такая политика не может быть успешной и сценарий ухода Кадырова с политической сцены, скорее всего, будет повторяться и с его преемниками. Поэтому майские события в Грозном нельзя назвать рядовым террористическим актом. Это удар по самой политической модели, которая реализуется на территории и Чечни, и во всей России.